

безукоризненной акрибией, которая отмечает все труды его, причем прибавленный им полный index verborum значительно возвысил достоинство издания»⁴⁶.

П. В. Никитин и В. Г. Васильевский

Одним из первых значение трудов Васильевского отметил академик Куник, который хлопотал о его избрании в Академию наук с 1878 г., но добился этого лишь в 1890 г. В своем представлении Васильевского в ординарные академики Куник писал: «Только с появлением многочисленных трудов В. Г. Васильевского стало все более и более укореняться у нас убеждение в значении византиноведения как специальной науки, достойной неусыпной деятельности»⁴⁷. Именно Васильевский создал школу русских византистов, своим учителем его называли В. Э. Регель, П. В. Безобразов, Х. М. Лопарев, Б. А. Панченко. В 1894 г. вместе с Регелем он создал и редактировал специальный журнал по византиноведению „Византийский временник“»⁴⁸.

Благодаря общению с Василием Григорьевичем интерес к византиноведению появился и у арабиста Розена, для которого Византия представляла «непочатый клад, одной стороной уходивший в область, составлявшую предмет его специальности, арабский мир, а другой... в славянские культурно-исторические вопросы»⁴⁹. При помощи данных арабских источников события византийской и славянской истории освещал ученик Розена и Васильевского А. А. Васильев.

Обаяние личности Василия Григорьевича испытал на себе и Петр Васильевич Никитин. Сам Васильевский горячо поощрял увлечение Никитина Византией. «Что Вы все более втягиваетесь в Византийскую область, — писал он Никитину в 1899 г., — этому многие радуются. Да, разве наконец, она уж так враждебна классической прелести? Что Вы скаже-

⁴⁶ Латышев В. В. Памяти Петра Васильевича Никитина. С. 933.

⁴⁷ Куник А. А. Записка академика А. А. Куника об ученых трудах члена-корреспондента Имп. Академии наук В. Г. Васильевского. СПб., 1890.

⁴⁸ Васильевский вспоминал: «Когда возникла мысль об издании специального журнала по византиноведению, он восстал против предложенного наименования нового органа «Византийским обозрением», находя это слишком *будуарным*, слишком рассчитанным на рекламу, и в угоду ему было придумано название «Византийский временник», все-таки отзвучающее некоторым почтенным архаизмом»: В. Г. Васильевский. А. А. Куник // ВВ. 1900. Т. 6. Вып. 3–4. С. 631.

⁴⁹ Марр. Н. Я. Барон В. Р. Розен и христианский Восток // Памяти барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909. С. 17.

те?»⁵⁰ Вскоре после смерти Васильевского в 1899 г. Никитин писал Розену, с которым находился в дружеских отношениях: «Я всегда чувствовал к нему, и как к человеку и как к ученому, самое глубокое и самое цельное, ничем не отравленное уважение. Я радовался возможности считать его в числе людей, дружески ко мне расположенных, и гордился возможностью хоть в чем-нибудь быть его сотрудником»⁵¹.

Никитин осуществил задуманное Васильевским издание сказания о 42 Аморийских мучениках, и эта работа была самым важным его трудом в области византистики. Издание вышло в свет в 1905 г. с именами двух авторов под заглавием «Сказание о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им, издали В. Васильевский и П. Никитин»⁵² и вызвало весьма сочувственные отзывы в печати. Э. Курц назвал его «весьма ценным вкладом в науку, подробнее ознакомиться с которым необходимо всякому, занимающемуся византийской письменностью»⁵³. «Перед нами, — писал К. Крумбахер, — плод многолетних изысканий, содержательный том, принадлежащий к самым выдающимся памятникам агиографической литературы, и на западе специалисты могли бы многому научиться из этого труда и приходится сожалеть, что вследствие совершенно ничтожного знания русского языка этим изданием будут у нас пользоваться гораздо меньше, чем оно заслуживает»⁵⁴.

Сказание касалось последних лет царствования иконоборческого императора Феофила, когда в 838 г. халиф Мутасим захватил Аморий, родной город царствовавшей в Византии династии, расположенный в центре Малой Азии; многолюдная армия, оборонявшая Аморий, попала в плен и почти вся была истреблена; главнокомандующий казнен; самые знатные из остальных пленников шесть с половиной лет томилась в неприятельском плену и за отказ изменить своей вере и принять мусульманство были казнены в 845 г. Мученическая смерть 42 пленников произвела сильное

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 10. Л. 2. Письмо В. Г. Васильевского П. В. Никитину от 11.02.1899.

⁵¹ Там же. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 6 об. -7. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 22.05.1899 г.

⁵² *Васильевский В. Г., Никитин П. В.* Сказание о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Издали В. Г. Васильевский и П. В. Никитин // Записки Имп. Академии наук по ИФО. 1905. Сер. 8. Т. 7. № 2.

⁵³ Курц Э. Рец.: Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Издали В. Васильевский и П. Никитин // ВВ. 1908. Т. 14. Вып. 2-3. (1907). С. 390.

⁵⁴ *Krumbacher K.* Rec.: Die Erzählungen über die 42 Märtyrer von Amorion und ihre Liturgie / Hrsg. von V. Vasiljevskij und P. Nikitin. SPb., 1905 // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1905. № 12. S. 941.

впечатление на современников, и вскоре появилось несколько сказаний об их мученичестве⁵⁵.

Одно из этих сказаний было уже опубликовано болландистами в Acta Sanctorum, другое (по Парижской рукописи № 1447) — Абихтом и Шмидтом, третье (по Парижской рукописи № 1534), по предложению Васильевского — Васильевым (к слову, за печатанием греческого текста наблюдал Никитин)⁵⁶. Васильевский обратил внимание и на другие неизданные редакции этих сказаний, сохранившиеся в Парижской рукописи и трех рукописях Московской Синодальной библиотеки, и решился издать их вместе с Никитиным.

В Парижской национальной библиотеке в рукописи конца IX в. (№ 1476) находился древнейший текст сказания, который был отделен от того исторического события, которое послужило зерном сказаний, всего 50–60 годами, и из всех греческих текстов именно в нем точно указана дата события. Этот текст представлял собой отрывок — вторую половину или последнюю треть сказания: начало пропало вместе с первыми листами рукописи. Васильев, когда готовил свое издание полного текста сказания, пренебрег этим отрывком. Несмотря на сходство полного текста с фрагментарным, полный текст, при большом обилии благочестивой риторики, опускал иногда фактические данные, сохранившиеся в более сжатом изложении фрагментарного текста. Поэтому Василий Григорьевич все-таки считал необходимым издать и отрывок и позаботился о том, чтобы с него была снята копия. Кроме того, он предназначал для издания три греческих текста, содержащих Аморийское сказание, из Московской Синодальной библиотеки (№ 376, 378 и 380). Копии этих трех греческих текстов сделал С. М. Сироткин, заведующий Московским синодальным собранием греческих и славянских рукописей.

В начале 1899 г. Василий Григорьевич пригласил Никитина принять участие в этой работе и написал ему: «Я с Вами уже заводил речь об издании еще других трех редакций мучения Аморийских 42-х, и не особенно Вас напугал, мне кажется, намеком, что я желал бы возложить на Вас эту новую обузу. Окрылившись надеждою, я полетел в своих мечтах быстрее и далее. Почему бы не приступить к делу в скорейшем времени? Я бы написал краткое вступление, объясняющее значение текстов, пред-

⁵⁵ Библиографию см.: Афиногенов Д. Е., Лосева О. В., Никифорова А. Ю. Аморийские мученики // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 179–181.

⁵⁶ *Dr. Abicht, Dr. Schmidt. Martyrium der XLII Märtyrer zu Amorium* // Archiv für slavische Philologie. 1896. Bd. 18. S. 190–192; *Васильев А. А. Греческий текст жития сорока двух Аморийских мучеников по рукописи Парижской национальной библиотеки № 1534* // Записки Импер. Академии наук по ИФО. 1898. Т. III. № 3.

ставил бы записку в Отделение со сладостным оповещением, что наблюдение за печатанием греческого текста берет на себя академик П. В. Никитин, а подробное исследование о содержании его будет представлено акад. Васильевским несколько позднее, после возвращения его из-за границы...»⁵⁷

6 марта, отправляясь за границу для лечения, Васильевский прислал Никитину копии всех текстов и записку следующего содержания: «Тронутый Вашей любезностью, с какою Вы изъявили готовность взять на себя издание московских синодальных текстов о 42 Аморийских, я все-таки хотел сначала присоединить к каждому по маленькой вводной статье, но не успел. Итак, пусть будет по-Вашему: я присоединю объяснительные вводные статьи (краткие) после получения корректур в Риме, откуда Вам напишу и ранее; теперь же передаю в Ваше распоряжение копии, по-видимому, весьма тщательно приготовленные Сироткиным. Сей любезный хранитель синодальных сокровищ не откажется дать всяческие разъяснения, какие только могут еще потребоваться. К синодальным текстам я присоединил и древний парижский отрывок, напрасно оставленный без надлежащего внимания Васильевым: после он достал для меня его копию из Парижа. В чем его значение, Вы увидите отчасти из моей заметки на поле. Сегодня я уезжаю. Надеюсь увидеться с Вами в августе — в Вашей квартире»⁵⁸.

Смерть Васильевского 13 мая 1899 г. изменила ход работы. Это печальное известие застало Никитина за работой над рукописями в Москве. «В редкие свободные от экзаменов будни сижу над греческими рукописями в Синодальной библиотеке, — писал Никитин Розену, — но теперь и эта работа стала лишним поводом к печальным мыслям. Я только что начал сличать те тексты, которые просил меня издать Василий Григорьевич, как я узнал о его смерти»⁵⁹. 4 сентября на Общем собрании Академии наук Никитин прочел речь памяти Васильевского, которую закончил словами: «Теперь, когда его нет с нами, когда не приходится бояться оскорбить его скромность, мы можем и должны высказать то, что безмолвно давно сознавалось: имя Васильевского принадлежит к яркому созвездию тех славных имен, которые всегда будут гордостью нашей Академии»⁶⁰.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 10. Л. 2–2 об. Письмо В. Г. Васильевского П. В. Никитину от 11.02.1899. Публ.: *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византистику (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН) // РН. С. 141–142.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 10. Л. 4–4 об. Письмо В. Г. Васильевского П. В. Никитину от 6.03.1899. Публ.: *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византистику. С. 142.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 7. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 22.05.1899 г.

⁶⁰ Памяти В. Г. Васильевского // Известия Имп. Академии наук. Сер. 5. 1899. Т. 11. № 2. С. XXIII.

Никитин взялся довести до конца осиротевшее издание, и при этом ему удалось обогатить и значительно расширить собранный Васильевским материал. Новый материал понадобился, когда дело дошло до фрагментарного Парижского текста: его копия поражала обилием ошибок и пробелов. По ходатайству Академии наук Парижская рукопись № 1476 была доставлена в ее библиотеку, и Никитин сверил копию текста с оригиналом. Никитин решил восстановить ту редакцию сказания, в состав которой входил этот текст. Ее полную копию он обнаружил в одном из кодексов Ватиканской библиотеки (Palatinus 4). Именно эта древнейшая редакция была воспроизведена в славянском памятнике — Макарьевских Четиях-Минеях. Поощряемый А. А. Шахматовым, Никитин добыл и текст Макарьевских Миней (№ 992 Московской Синодальной библиотеки)⁶¹. Кроме того, выяснилось, что текст аморийского сказания Парижской рукописи № 1447 (изданный Абихтом и Шмидтом) принадлежал той же редакции, что и фрагмент Парижской рукописи № 1476: в первой сохранилось начало без конца, а во второй — конец без начала.

Никитин привлек к изданию помимо рукописей, намеченных Васильевским, кодекс Ватиканской библиотеки, неизданный текст Макарьевских Миней, Парижский кодекс № 1476; кроме того, он вновь издал по нескольким рукописям текст сказания, ранее изданный Болландистами, и наконец две церковные службы в честь 42 мучеников, определяющие время создания древнейших Аморийских сказаний. «Если, — замечает Никитин, — никогда прежде не мечтал быть издателем произведений церковной поэзии, я после некоторого колебания взялся за это занятие, то сделал это больше всего потому, что — как мне показалось — на этот раз поэзия служит опорой хронологии». Крумбахер дополнил издание Никитина, поместив в своей рецензии все собранные им остатки анонимного гимна в честь 42 Аморийских мучеников⁶².

Никитин придерживался строго консервативного принципа издания текстов. Крумбахер не был сторонником такой крайней осторожности в передаче византийских текстов, но вместе с тем он предостерегал против того, чтобы путать «далеко идущий пиетет Никитина по отношению к рукописной традиции с бессильной воздержанностью от исправления текстов»⁶³. Сдержанно оценивал пользу консервативного принципа и Жебе-

⁶¹ Подробнее о помощниках Никитина см.: *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византийистику. С. 143–144.

⁶² *Krumbacher K.* Rec.: Die Erzählungen über die 42 Märtyrer von Amorion und ihre Liturgie / Hrsg. von V. Vasiljevskij und P. Nikitin. SPb., 1905. S. 944–947.

⁶³ *Ibid.* S. 940.

лев, хотя, по его словам, «против правильности этого принципа едва ли кто станет спорить, по крайней мере, в теории. Но на практике, казалось бы, и самый консервативный из читателей текстов вряд ли решился бы упрекнуть издателя, если бы он внес в текст догадки «самые правдоподобные» и тем более «неизбежные», чтения же, даваемые рукописным преданием, отнес в примечания под текстом»⁶⁴.

К изданным текстам Никитин прибавил обширный комментарий (с. 114–271), в том числе главу, посвященную хронологии текстов, их взаимным отношениям и особенностям, и объяснительные примечания, которые представляют собой богатейший материал для изучения византийского языка, внешней и внутренней истории Византии, например, очерк о византийских чинах. Издание снабжено также двумя подробными указателями. По отзыву Э. Курца, «этот объемистый комментарий, который с одинаковой заботливостью отвечает на все возникающие вопросы и грамматического и реального характера, придает изданию Никитина особую ценность»⁶⁵. «Как филолог классик, — отметил Жебелев, — Никитин и при составлении комментария к сказаниям об аморийских мучениках применил тот же метод, какой находил, а подчас еще находит и теперь, применение при классических изданиях произведений»⁶⁶.

К изданию и объяснению текстов приложены отрывки исследования Васильевского «Супрасльская минея» (с. 91–113), найденные при разборе его бумаг. Никитин напечатал отрывки в том виде, в каком они были найдены, потому что, по его мнению, «непростительным самомнением было бы подправлять или дописывать эскизы такого мастера», хотя и был убежден, что Васильевский отбросил бы некоторые подробности или изменил бы их, когда имел бы перед собой весь материал издания. Эти подробности Никитин не решился оставить без оговорок: ведь «ученая слава учителя русских византинистов не нуждается в такой охране, какой служит умолчание»⁶⁷.

⁶⁴ Жебелев С. А. Рец.: Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Издали В. Васильевский и П. Никитин // ЖМНП. 1906. Нов. сер. Т. 1. Апр. С. 170–171. Ср. современное издание: Κοτταμπάσση Σ. Το Μαρτύριο των ΜΒ' Μαρτύρων του Αμορίου. Αγιολογικά και υμνολογικά κείμενα "Επιστημονική Επιτροπή Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1992. Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας 2. S. 109–153.

⁶⁵ Курц Э. Рец.: Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Издали В. Васильевский и П. Никитин С. 389.

⁶⁶ Жебелев С. А. Рец.: Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Издали В. Васильевский и П. Никитин. С. 172.

⁶⁷ Васильевский В. Г., Никитин П. В. Предисловие // Сказание о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им. С. V.

«Сказание о 42 Аморийских мучениках» являлось частью обширного плана издания собрания сочинений почтенного академика. Еще при жизни Васильевского его ученики предложили ему издать отдельными книгами наиболее важные его труды, рассеянные по различным ученым журналам. Василий Григорьевич не успел, однако, сам переиздать свои работы, и после его смерти Историко-филологическое отделение «сочло долгом осуществить это предприятие, полагая, что таким изданием Академия оказала бы услугу русской исторической науке и достойно почтила бы память своего знаменитого сочлена»⁶⁸.

Образованная в 1900 г. комиссия под председательством Никитина (в нее вошли академики Кондаков, Латышев, Розен и Ернштедт, позже Марр)⁶⁹ составила план собрания трудов Васильевского и приступила к переизданию в первую очередь его работ по истории Византии и ее отношений с Россией и славянами. В новом издании по мере возможностей были учтены авторские изменения, найденные в заметках Васильевского, и обновлены цитаты⁷⁰. Никитин подготовил для третьего тома издание текстов Жития св. Георгия Амастридского и Жития св. Стефана Сурожского, сверив греческие тексты обоих житий с рукописями. После выхода в свет в 1915 г. третьего тома издание четвертого тома (под редакцией Латышева) «по техническим причинам» было приостановлено и появилось только в 1930 г. Латышев составил проспекты еще шести томов (Т. 5–10), в его архиве сохранились корректуры и отдельные оттиски статьи Васильевского, но издание до сих пор не доведено до конца⁷¹.

П. В. Никитин и В. К. Ернштедт

Настоящим научным подвигом Никитина стало завершение ряда работ младшего товарища по университету и Академии наук В. К. Ернштедта, скончавшегося в 1902 г. С начала 1880-х гг. Никитина и Ернштедта связывали тесные отношения: в 1883 г. вместе с Люгембилем Никитин составил представление Виктора Карловича в доценты университета⁷², в 1892 г. он

⁶⁸ Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. I. Предисловие. С. II–III.

⁶⁹ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. СПб., 1900. Заседание № V. 1. 03. 1900. § 61 (и Приложение).

⁷⁰ Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. I; 1912. Т. II, 1915. Т. III; 1930. Т. IV.

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 110. Оп. 1. Д. 116. См.: *Тункина И. В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды* // РН. С. 213.

⁷² *Люгембиль К., Никитин П.* Записка об ученых трудах преподавателя В. К. Ернштедта // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1883–1884 академического года. СПб., 1884. № 29. С. 26–29.